

Государство как системообразующий элемент политической системы общества

С. В. Архипов

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье проводится анализ политической системы общества как комплексного многофакторного явления. Автором исследуется институциональное ядро политической системы, доказывается зависимость её институциональной структуры от содержания и институализации общественных идеалов. На основе методологии неклассического правоведения конструируется модель политической системы в институциональном, функциональном и информационно-коммуникативном аспектах.

Автор обосновывает системообразующее значение государства для политической системы общества путём соотнесения отдельных сторон феномена государства с выделенными аспектами политической системы.

В статье делается вывод о том, что только многостороннее понимание феномена государства способно дать представление о политической системе как едином целостном явлении.

Ключевые слова: политическая система, ядро политической системы, политический институт, функции политической системы, государство.

Для цитирования: Архипов С. В. Государство как системообразующий элемент политической системы общества // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 1 (71). – С. 35–57. DOI 10.35231/18136230_2023_1_35

The state as a system-forming element of the political system of society

Sergei V Arkhipov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article analyzes the political system of society as a complex multifactorial phenomenon. The author studies the institutional core of the political system, proves the dependence of its institutional structure on the content and institutionalization of social ideals. Based on the methodology of non-classical jurisprudence, a model of the political system is constructed in the institutional, functional, information and communication aspects.

The author substantiates the backbone importance of the state for the political system of society by correlating individual aspects of the phenomenon of the state with the selected aspects of the political system.

The article concludes that only a multilateral understanding of the phenomenon of the state is able to give an idea of the political system as a single integral phenomenon.

Key words: political system, core of the political system, political institution, functions of the political system, state.

For citation: Arkhipov, S. V. (2023) Gosudarstvo kak sistemoo-brazyuyushchij element politicheskoy sistemy obshchestva [The state as a system-forming element of the political system of society]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad legal journal*. No. 1 (71). Pp. 35–57. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2023_1_35

Введение

Определение места и значения государства в политической системе общества находится в прямой зависимости от подхода к феномену государства, которого придерживается исследователь, а также от подхода к описанию политической системы как динамической системы со сложной многоуровневой структурой. На первый взгляд, указанные обстоятельства должны порождать большое многообразие теоретических моделей политических систем, а также государства, как одного из основных элементов этих систем. На деле большая часть исследователей опирается на институциональный подход к понятиям государства и политической системы, игнорируя другие возможности научного познания. Как пишет Н. Н. Бондарь, «политическая система общества определилась как сложный комплекс государственных институтов, политических партий, общественных организаций, в рамках которой происходит политическая жизнь общества и осуществляется государственная и общественная власть» [5, с. 59]. На наш взгляд, такой односторонний подход к исследованию политико-правовых феноменов сужает поле научного поиска и значительно обедняет полученные результаты. Актуальность настоящего исследования видится в попытке преодолеть односторонний характер конструирования модели взаимодействия государства и других элементов политической системы общества, а это может быть достигнуто лишь описанием политической системы как сложной саморазвивающейся системы, ядро которой представлено многообразием государственных и негосударственных институтов, форм общественного сознания, общественных идеалов.

Методология современного неклассического правове-дения допускает при построении объяснительной модели политико-правового феномена использование *прин-*

ципа *дополнительности*. Рассмотрим суть этого похода и возможность его применения для исследования государства и политической системы.

Принцип дополнительности как метод научного познания

Впервые сформулированный в неклассической физике Н. Бором *принцип дополнительности* стал одним из фундаментальных принципов неклассической науки, распространённым на сферу гуманитарного знания [6]. В нашей стране методологию дополнительности наиболее полно изучал философ И. С. Алексеев [8, с. 458–465]. Принцип дополнительности основывается на деятельностной парадигме восприятия мира. Как пишет И. С. Алексеев, «слова "на самом деле" тогда следует понимать буквально – происходит на самом деле то, что имеет место в процессе и результате реальных, предметных действий» [1, с. 21]. С этих позиций научное познание воспринимается как особый тип целенаправленной деятельности. Мир представляет собой единый и неделимый феномен, его умозрительная дифференциация на отдельные объекты является промежуточным результатом человеческого познания, в этом смысле каждый объект реальности человекообразен. Объект этой деятельности зависит от методологических и инструментальных подходов, используемых исследователем, а сами методы и инструменты познания обусловлены целями, задачами исследования; установленными границами предмета познания. Это позволяет сделать вывод, что онтологическая реальность объекта представлена не одной, относительно обособленной, группой свойств объекта, а несколькими, каждая из которых представляет собой одну из сторон субъективно-объективной онтологической реальности. Так, один и тот же физический объект можно

воспринимать как совокупность материальных частиц, образующих и объективное целое, и совокупность квантовых взаимодействий элементарных частиц, из которых состоит материальность объекта. Когда мы умозрительно «наблюдаем» объект как квантово-импульсную реальность, другая сторона – материальность элементарных частиц – воспринимается нами как дополнительное знание, дающее целостное понимание модели реальности. И наоборот: воспринимая объект как совокупность молекул, атомов, элементарных частиц, мы дополняем наше знание представлением о реальности различных типов взаимодействий между частицами вещества. При этом всякое одномерное восприятие действительности неистинно и приводит к абсолютизации только одной стороны реальности, что в явной или неявной форме является отрицанием другого аспекта реальности.

С этих позиций решается вопрос об истинности знания в гуманитарных науках. Всякая сложная социальная система может познаваться как многомерная реальность, представленная совокупностью институтов (элементов системы); структурных взаимодействий между этими элементами; функций, целей, задач. В этой связи можно установить следующие задачи исследования: 1) определить различные аспекты этой системы как относительно самостоятельные описания политико-правовой реальности; 2) показать взаимосвязь между этими описаниями, при котором одна сторона описания дополняет описание другой стороны. Иными словами, необходимо сконструировать объяснительную модель политической системы общества; 3) определить место концепции государства в предложенной объяснительной модели.

Решение первой из задач, на наш взгляд, возможно с использованием предложенной И. С. Алексеевым трёхкомпонентной модели научного знания. Эту модель

И. С. Алексеев рекомендовал для исследования физических объектов, однако очевидно что её применение допустимо во всех областях научного познания [1, с. 83].

Трёхкомпонентная модель политической системы

И. С. Алексеев предлагает различать три типа элементов («объектов отнесения знания»): наблюдаемые, ненаблюдаемые и математические объекты (последние можно интерпретировать более широко, как знаковые системы, средства коммуникации или непосредственно информационно-коммуникативный процесс). «Они различаются, – подчёркивает И. С. Алексеев, – по способу существования, обусловленному типу деятельности, в котором они фигурируют» [1, с. 83]. Реальность наблюдаемых объектов даётся нам в ощущениях, при необходимости усиленных научными приборами, или, как пишет И. С. Алексеев, «на эти объекты всегда можно «указать пальцем», т.е. дать им осязаемое определение...» [1, с. 84]. Ненаблюдаемые объекты недоступны органами чувств, их существование удостоверяется в умозрении. По И. С. Алексееву, «они представляют собой онтологизированные конструкторы, предназначенные для объяснения наблюдаемых объектов. С их помощью обычно строится теоретическая картина сущности наблюдаемого...» [1, с. 84]. Математический компонент, по И. С. Алексееву, представляет собой совокупность символов, «интерпретация которых на область наблюдаемого и ненаблюдаемого придаёт математическим объектам физический смысл» [1, с. 84]. Последнее нуждается в пояснении. Очевидно, что политическую систему невозможно описывать через математические символы, однако любая политико-правовая реальность представлена разнообразной текстуальной формой – политико-правовыми актами, в которых закреплены нормативные и индивидуальные предписания органов государственной власти. Невозмож-

но игнорировать этот компонент политической системы. В то же время невозможно согласиться с попытками абсолютизации знаковой стороны политико-правовой реальности, а такие попытки предпринимаются в отечественной юриспруденции. С этих позиций, как пишет М. В. Байтеева, «не язык принадлежит человеку, а скорее, человек принадлежит языку... наше понимание – это пункт встречи человека с языком, создание ситуации, с которой только начинается процесс рефлексии, и только затем познание и изменение мира и нас самих» [3, с. 6]. Как правило, такое понимание всесильности знака связано с определённым подходом к природе человека: с этой точки зрения человек начинает социальные взаимодействия в социокультурной реальности с чистого листа. Поэтому язык (как и право, как и политика) воспринимается сторонней силой, которой не может сопротивляться человек. Однако человек, по Аристотелю, существо общественное, а значит, в природе человека имеются потенциальные силы, трансформирующиеся в социуме в такие феномены как язык, право, политика. П. Бурдьё считает, что знаковая реальность поля политики приобретает большее значение, чем сама реальность политических отношений. Знаковая реальность, согласно французскому социологу, навязывает легитимное восприятие политических реалий, попутно убирая конкурирующие знаковые системы, «поскольку в поле политики речь идёт о накоплении символической власти навязывания верований, признанных принципов видения...» [7, с. 126]. В этом случае мы «видим» политическую систему не как реальность политических отношений, а как реальность содержания политико-правовых актов, т.е. представленное знаковой формой должное подменяет собой сущее. Такой односторонний подход представляется некорректным и несоответствующим принципу дополнительности.

Наблюдаемые элементы модели политической системы общества

Наблюдаемыми объектами политической системы (первый компонент модели) можно считать институты органов государственной власти и негосударственные институты, оказывающие стабильное влияние на формирование содержания политического управленческого решения и его принятие. При этом помимо институтов, представленных субъектами политической жизни – государством, политическими партиями, политическими движениями, общественными организациями, лоббистскими группами, религиозными организациями, средствами массовой информации, политической блогосферой в интернете и т.д., – в политической системе общества присутствуют институты, как стабильно существующие политико-правовые явления – институты выборов и референдумов, институт защиты прав и свобод человека, институт общественных идеалов. Институты, оказывающие наиболее значимое влияние на процесс принятия управленческих решений органами государственной власти, характеризуются как ядро политической системы. Однако если органы государственной власти относят к ядру политической системы все исследователи, что вполне объяснимо и не нуждается в дополнительной аргументации, то присутствие среди основных институтов негосударственных структур во многом зависит от особенностей сложившейся в обществе политической системы. Как представляется, определяющим фактором конструирования таких особенностей является доминирующая общественная идеология. Так, ядро либеральной политической системы составляют негосударственные институты, формирующие общественное мнение в частно-правовой сфере. Гражданское общество представлено самоорганизующимися и самоуправляемыми

институтами защиты прав и свобод человека; средствами массовой информации; общественными организациями как постоянными участниками политического дискурса. Наиболее значимые из представленных институтов (наряду с органами государственной власти) составляют ядро политической системы (в данном случае не имеются в виду организации и лица, осознанно действующие в интересах других государств, – такие структуры в большинстве случаев нестабильны, а значит, не могут считаться институтами). Разновидностью либеральной политической системы можно считать либертарианство. Это радикальное течение в либерализме стремится максимально ограничить влияние государства на общественные институты, обосновывая необходимость применения рыночных механизмов во всех сферах общественной жизни, в т. ч. в сфере политики: политик продаёт на политическом рынке свой специфический товар – политическую программу, оказывает специфические услуги в политической сфере. Один из крупнейших представителей этого направления австрийский экономист Ф. Хайек доказывает, что даже ограниченный контроль государства в экономической сфере непременно приводит к тоталитаризму в сфере политической. Частичное огосударствление экономики воспринимается Ф. Хайеком как «дорога к рабству» [15]. Американский идеолог либертарианства Р. Нозик в своей книге «Анархия, государство и утопия» центральной идеей либертарианства считает установление максимальной автономности личности («человек может сделать с собой все что угодно») [11, с. 28–29, 86], что предполагает «ультраминимальное» вмешательство государства в общественные отношения. Р. Нозик отрицает существование общественных идеалов и общественных благ. «Есть только отдельные люди, – пишет Р. Нозик, – разные люди, у каждого из которых собственная жизнь... индивида используют

к выгоде других, это значит, что его используют, а выгоду получают другие... Разговоры о благе всего общества скрывают этот факт» [11, с. 56–57]. Либертарианство можно понимать как анархистское направление либерализма. Идеал либертарианства – ядро политической системы общества, где отсутствуют институты органов государственной власти, но в полной мере представлены самоорганизующиеся и самоуправляемые институты гражданского общества. Государству отводится второстепенная роль в политической системе. Утопичность либертарианства как учения очевидна. Однако попытки построить политическую систему при помощи абсолютизации индивидуальных прав и свобод человека, всеобъемлющей толерантности и мультикультурализма закономерно приводят к своей противоположности – установлению диктата свободных и толерантных представителей постмодерна, которые «ради свободы и демократии» готовы отказать обществу в свободе и праве самим выбирать путь развития. На практике либертарианская политическая система общества предстаёт как переходный этап от либеральной системы к политической системе тотального подавления личности.

Существенным недостатком либеральной политической системы можно считать отсутствие института общественных идеалов. Это не должно пониматься как полное отсутствие общественных идеалов, их существование в любом обществе представляется неоспоримым, однако либеральная идеология ставит непреодолимый барьер для институализации этого феномена. Как правило, утверждается, что у каждого индивида может быть своё представление об идеале, а значит, установление общеобязательных идеалов будет по меньшей мере идеологическим насилием над частью общества, что в эпоху мультикультурализма (постмодерна) не может считаться приемлемым. С пози-

ций либеральной идеологии, в качестве замены общественного идеала выступают средства и условия гармоничного существования человека в обществе – правовое государство, демократия, социальное государство, права и свободы человека и т. п. Либеральная идеология, отставив идеи индивидуалистического атомизированного социального бытия, стремится трактовать общественные идеалы как результат социального соглашения, которого придерживается большинство членов общества. В этом случае конвенциональная природа общественных идеалов устанавливает зависимость их содержания от культурно-исторических особенностей эпохи.

Однако возможно принципиально иное понимание общественного идеала. Как писал П. И. Новгородцев, «речь идет в таком случае не о тех изменчивых исторических идеалах, которые различаются от времени и места, от национальных особенностей и партийных разделений, а о том всеобщем идеале, который всегда один и тот же и стремление к которому составляет правду и смысл общественной жизни» [10, с. 55]. Для неокантианца П. И. Новгородцева общественный идеал – независящий от социальных факторов императив, соответствующий разумной природе человека. «Необходимо иметь уверенность, – пишет П. И. Новгородцев, – что этот идеал есть не отвлечённая норма, предносящаяся человеческому уму, а живая сила, обладающая высшей реальностью, что человеческие дела могут приобщаться этой высшей правде и проникаться ею» [10, с. 60].

В противовес либеральной идеологии социалистическая политическая система ориентирована на институализацию общественных идеалов и подчинение всех других политических институтов идеалам коммунизма и социалистического строительства. Искусственный характер этих идеалов преподносится как достижение, а не как

недостаток. Однако именно противоестественность таких ориентиров порождает пороки общественного строя и политической системы. «Самая стабильная и всепорождающая основа всех отрицательных явлений жизни коммунистических стран, – писал социолог А. А. Зиновьев, – заключена в самом положительном идеале коммунизма и в его самых лучших положительных качествах как реального строя общества...» [9, с. 23]. «Реальность коммунизма обнаружила, – пишет учёный, – что эксплуатация одних людей другими и различные формы социального и экономического неравенства не уничтожаются при коммунизме, а лишь меняют свои формы и в каких-то отношениях ещё более усиливаются» [9, с. 23–24]. Ядро социалистической политической системы составляют органы государственной власти, институты власти коммунистической партии, институт общественных идеалов социализма (коммунизма). Огосударствление всех сфер общественной жизни не позволяет указать на независимые от государства стабильно действующие структуры. Абсолютизация искусственных идеалов приводит к тому, что всю политико-правовую реальность начинают подгонять под установленный шаблон, как итог: дисгармония возникает во всех сферах общественной жизни.

Политическая система общества консервативного типа характеризуется формированием института общественных идеалов, как правило, на основе религиозного мировоззрения. Это обстоятельство позволяет отнести институт церкви к ядру консервативной политической системы. Клерикальные и теократические государства характеризуются значительным, а порой определяющим воздействием религиозной идеологии на все сферы общественной жизни, а государственные институты осуществляют свои функции с опорой на традицию. Защита традиций как внешнего проявления иррацио-

нальных общественных идеалов настолько укоренилась в общественном сознании, что зачастую в обществе сохраняются неизменными самые регрессивные модели поведения. И. В. Понкин относит к разновидностям несветских политических систем «модель секулярной квазиригии», которая существовала, по мнению российского правоведа, в СССР, нацистской Германии, КНДР и отчасти наблюдается в современных США [12, с. 171]. На наш взгляд, необходимо отличать влияние церкви как субъекта политической системы от общественной идеологии определённого типа. В приведённых примерах иррациональный характер общественной идеологии не означает влияние церкви на принятие политических решений. Несветский характер государства и политической системы определяется наличием религиозного культа, что предполагает специфику функционирования государственных институтов и принятия политических решений. Иррациональный элемент присутствует во всех общественных идеологиях без исключения. Однако система иррациональных взглядов на развитие общества не обязательно предполагает осуществление культа, а значит, в большинстве случаев мы имеем дело со светскими политическими системами.

Таким образом, ядро консервативной политической системы религиозного типа составляют институты государственной власти, институт церкви, традиционалистские институты, а также институт общественных идеалов.

Характеристика консервативной политической системы как системы с развитой религиозной идеологией не означает, что невозможны светские модели политических систем этого направления. На наш взгляд, примером формирующейся консервативной политической системы светского типа можно считать Россию. Утверждение Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября

2022 г. «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – «Основы») позволяет говорить о начале формирования института общественных идеалов, что является определяющим критерием для характеристики политической системы, поскольку по своему потенциальному влиянию на российскую политическую систему «Основы» находятся на одном уровне с Конституцией Российской Федерации. Согласно «Основам», под традиционными духовно-нравственными ценностями понимаются нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России и лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны (п. 4, раздел 1 «Основ»). По нашему мнению, данные в определении признаки характерны для общественных идеалов. А указание на формирование традиционно-духовных ценностей в течение многих поколений, их уникальное и самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии российского народа свидетельствует о естественной природе этих идеалов.

В ряду указанных в «Основах» ценностей можно отметить достоинство, патриотизм, гражданственность, служение отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным... (п. 5, раздел 1 «Основ»). Тем самым «Основы» предлагают ориентироваться на традиционные институты семьи, армии, общественной нравственности. Отнесение основных традиционалистских религий к историческому и духовному наследию России позволяет сделать вывод о восприятии религии как объекта, содержательная сторона которого потенциально может быть использована при функционировании политической системы. При этом церковь как

субъект политической деятельности в «Основах» не упомянута.

Очевидно, что утверждение «Основ» подзаконным актом (Указом Президента Российской Федерации) нарушает сложившуюся иерархию законодательства, согласно которой подзаконные акты принимаются во исполнение законов, т. е. конкретизируют нормативные тематические положения законов. Как указано в «Основах», «Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России», а также обеспечивать интеграцию общества (п. 7, раздел 1 «Основ»). Однако такие основополагающие для России положения должны быть приняты на уровне федеральных законов, а не в виде подзаконного акта. В тоже время масштабность формулируемых «Основ» говорит о необходимости их включения в Конституцию Российской Федерации или конституционный федеральный закон (при наличии указания в Основном законе). Столь очевидное нарушение принципов нормотворчества свидетельствует о происходящем в российском обществе политическом противостоянии либеральных и консервативных идеологий. Поэтому в отличие от классических либеральных или консервативных политических систем существующая в России политико-правовая реальность характеризуется наличием как либеральных, так и консервативных элементов системы. Ядро политической системы России состоит из институтов органов государственной власти, политических партий, стабильно существующей системы выборов; института прав и свобод человека, а также формирующегося института общественных идеалов. Существующие институты гражданского общества, религиозные организации, как представляется, не оказывают постоянного существенного влияния на принятие политических решений в стране.

Предложенное институциональное описание политической системы общества не позволяет характеризовать исследуемый феномен в его динамическом аспекте. Этот пробел восполняется функциональным подходом к политической системе. При этом характеристика функций политической системы представляет собой комплексное описание, в терминологии И. С. Алексеева, ненаблюдаемых объектов системы (второй компонент модели политической системы). Проанализируем это описание.

Ненаблюдаемые элементы модели политической системы

К объектам, непосредственно не воспринимаемым нашими органами чувств, относятся функции политической системы. Американский политолог Г. Алмонд предложил различать две группы функций любой политической системы: функции «ввода» и функции «вывода». Функции «ввода» представлены 1) политической социализацией членов общества; 2) артикуляцией их интересов; 3) объединением их интересов в общий интерес; 4) политической коммуникацией по поводу общественных интересов [2, с. 79–83]. Названные функции имеют своей целью объективацию интересов общества и их представление органам государственной власти. Функции «вывода» представляют собой преимущественно действия государственной власти. К этой группе Г. Алмонд относит: 1) разработку законов; 2) реализацию правовых норм; 3) контроль за их реализацией [2, с. 79–81]. Помимо названных американским учёным функций, как представляется, в качестве самостоятельной необходимо выделить функцию определения основных направлений государственной политики, тем самым отделив стратегические решения государства от оперативных.

В соответствии с принципом дополнительности представленные стороны феномена политической системы – институциональная и функциональная – должны познаваться исследователем как единое онтологическое целое, а для создания теоретической модели политической системы (институциональной и функциональной одновременно) необходимо указать элемент, объединяющий все в многоаспектную систему. Таким системообразующим элементом является концепция государства.

Государство как системообразующий элемент

Понятие государства имеет множество подходов, складывающихся на протяжении значительного исторического периода. За это же время исторический феномен государственности менялся и усложнялся как по форме, так и по содержанию: возникали новые факторы политогенеза, менялись формы и методы осуществления государственной власти, начинали осознаваться новые цели и задачи государственного управления. По этой причине на сегодняшний день невозможно говорить о наличии в правоведении общепризнанного подхода к сущности государства. Дискурс государства предполагает сосуществование нескольких основных подходов. Однако с позиций описанного выше принципа дополнительности, эти подходы должны не исключать, а взаимодополнять друг друга, конструируя целостное восприятие феномена государственности. В этом случае, опираясь на представление о взаимосвязи государства и политической системы (а такая взаимосвязь представляется очевидной), можно предположить, что каждый из основных подходов к феномену государства соответствует определённому уровню теоретической модели политической системы общества. Государство, существующее как целостный феномен, в теоретической модели предстаёт в трёх «образах» – элемен-

тах политической системы. В институциональном плане как институт, на функциональном уровне как функция (или множество функций), в информационно-коммуникативном плане как политико-правовые отношения, объективированные знаковой системой.

В Новое время возникает представление о государстве как объекте, как совокупности функций, осуществляемых носителем власти – монархом. Функциональный подход к государственности позволяет описывать этот феномен как иерархически сложную динамическую систему властного воздействия на общество. Однако государственные функции государства отличаются от функций политической системы. Как отмечал Л. И. Спиридонов, функции государства ориентированы на интеграцию общества как необходимое условие существования государства [14, с. 58–93]. С ним согласны Н. Д. Эриашвили, Ю. А. Иванова, Т. В. Радченко, которые указывают: «ключевая необходимость государства в современном обществе заключается в том, что оно обеспечивает и поддерживает целостность всего общества, являясь так называемым политическим стержнем, с максимальной концентрацией власти» [16, с. 33].

В то же время функции политической системы направлены на сохранение политической власти как целостного феномена. Во многих случаях конкретное действие органа государственной власти направлено на осуществление функции государства и функции политической системы одновременно. Их дифференциация является результатом научной абстракции. По этой причине государство можно рассматривать в двух модусах функционального бытия: как функцию интеграции общества (по Л. И. Спиридонову, «генеральная функция государства») и как функцию саморазвития и самоподдержания политической системы. Во втором случае значение государства выражается в его восприятии как элемента

более обширной системы функций – функций политической системы.

Государство присутствует как необходимая составная часть информационно-коммуникативного аспекта (третьего компонента) политической системы. В современном правоведении распространено представление о государстве как об особом типе коммуникаций, обусловленных текстами политико-правовых актов. В рамках этого подхода политическая система предстаёт как совокупность коммуникаций, которыми обусловлено функционирование политических институтов по поводу формирования и осуществления государственной власти. Так, Р. А. Ромашов для описания изменчивости коммуникационной природы политической системы и государства вводит понятие «политогенез». Согласно определению российского учёного, «политогенез – это процесс развития политической системы общества, трансформируемой на определённом этапе в государство» [13, с. 39]. Поскольку государство и политическая система в подходе Р. А. Ромашова понимаются как отношения публичных и частных интересов (социальная организация), предлагается различать два цикла политогенеза. Как пишет Р. А. Ромашов, в «либертарном» государстве (т.е. государстве, где обеспечиваются частные интересы) развитие политических коммуникаций осуществляется по принципу спирали: «последовательном накоплении опыта, связанного с разграничением публичных и частных интересов и установлением определённого баланса между ними» [13, с. 41–44]. В «тотальном» государстве (т.е. государство с неограниченной и бесконтрольной политической властью) развитие осуществляется по принципу круговой цикличности (по Р. А. Ромашову, «принцип прерывистой истории»): каждый новый исторический цикл является концептуальным повторением предыду-

щего – приобретение политической власти, нейтрализация соперников, экспроприация частной собственности и её распределение между сторонниками власти [13, с. 43–44]. На основе циклического подхода российский учёный различает «типовое видоизменение государственной организации: государство-полис сменяет государство-королевство (kingdom), на смену которому, в свою очередь, приходит государство-политико-правовой порядок управления (state of law)» [13, с. 135]. Особый тип государства – государство-деспотия-храм (дворец) [13, с. 138]. В этом описании акцент делается на коммуникативной стороне государственности, несмотря на то, что автор подхода подчёркивает: «анализ политогенеза в контексте метода цикличности в основе своей содержит... попытку конструирования вероятностных моделей формирования и функционирования институтов и отношений, в комплексе образующих политико-правовую жизнь общества на различных исторических стадиях» [13, с. 137–138].

Поскольку основанием такого рода коммуникаций являются политические нормы, в статическом аспекте третий компонент можно понимать как совокупность норм, регулирующих политико-правовую коммуникацию.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что государство занимает уникальное место в политической системе. Эта уникальность выражается в триединстве бытия государства относительно трёх сторон политической системы – институциональной, функциональной и информационно-коммуникационной (нормативной). Особенности политико-правового положения государства в политической системе подтверждают эту многоаспектность: государство «выступает в качестве единственного официального представителя всего на-

рода» (информационно-коммуникационный компонент); «является носителем суверенитета», «имеет, как правило, монополию на правотворчество» (функциональный компонент); обладает специальным аппаратом, предназначенным для управления обществом, имеет силовые структуры (институциональный компонент) [4, с. 45]. Именно государство как многоаспектный феномен выступает системообразующим элементом политической системы, создаёт предпосылки для восприятия этой системы во взаимодополняющем многоуровневом единстве.

Список литературы

1. Алексеев И. С. Деятельностная концепция познания и реальности. – М.: Руссо, 1995. – 528 с.
2. Алмонд Г., Пауэлл Дж. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор / Г. Алмонд и др.; пер. с англ. А. С. Богдановского. – М.: АспектПресс, 2002. – 537 с.
3. Байтеева М. В. Язык и право. – Казань: Отечество, 2013. – 253 с.
4. Баширина Е. Н. Место государства в политической системе // Вестник Башкирского университета. – 2010. – № 2. – С. 451–454.
5. Бондарь Н. Н. Политическая система: понятие, сущность, структура, функции // Общество и право. – 2012. – № 5(42). – С. 59–61.
6. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. – М.: Иностранная литература, 1961. – 151 с.
7. Бурдьё П. Социоанализ Пьера Бурдьё / пер. с фр. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. – 288 с.
8. Визгин Вл. П. Дон Кихот дополнительности // И. С. Алексеев. Деятельностная концепция познания и реальности. – М.: Руссо, 1995. – С. 458–465.
9. Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. – М.: Центрполиграф, 1994. – 495 с.
10. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. – М.: Пресса, 1991. – 640 с.
11. Нозик Р. Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера. – М.: ИРИСЭН, 2008. – 424 с.
12. Понкин И. В. Правовые основы светскости государства и образования. – М.: Про-Пресс, 2003. – 416 с.
13. Ромашов Р. А. Политогенез: Храм – Полис – Государьство – State / Р. А. Ромашов; вступ. сл. В. П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 2020. – 300 с.
14. Спиридонов Л. И. Избранные произведения. – СПб.: Санкт-Петербургский институт права им. принца П. Г. Ольденбургского, 2002. – 392 с.
15. Хайек Ф. Дорога к рабству / пер. с англ. М. Б. Гнедовского. – М.: АСТ, 2022. – 352 с.
16. Эриашвили Н. Д., Иванова Ю. А., Радченко Т. В. Государство в политической системе общества: особенности и перспективы // Вестник экономической безопасности. – 2021. – №1. – С. 29–35.

References

1. Alekseev, I. S. (1995) *Deyatelnostnaya koncepciya poznaniya i realnosti* [The activity concept of cognition and reality]. Moscow: Russo. (In Russian).
2. Almond, G. Pauell, Dj. (2002) *Sravnitel'naya politologiya segodnya. Mirovoi obzor* [Comparative Political Science today. World Review] / G. Almond i dr.; per. s angl. A. S. Bogdanovskogo. Moscow: AspektPress. (In Russian).
3. Baiteeva, M. V. (2013) *Yazik i pravo* [Language and law]. Kazan: Otechestvo. (In Russian).
4. Bashirina, E. N. (2010) *Mesto gosudarstva v politicheskoi sisteme* [The place of the state in the political system]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of the Bashkir University*. No. 2. Pp. 451–454. (In Russian).
5. Bondar, N. N. (2012) *Politicheskaya sistema: ponyatie_ suschnost_ struktura_ funkcii* [The political system: concept, essence, structure, functions]. *Obschestvo i pravo – Society and law*. No. 5. Pp. 59–61. (In Russian).
6. Bor, N. (1961) *Atomnaya fizika i chelovecheskoe poznanie* [Atomic physics and human cognition]. Moscow: Inostrannaya literature. (In Russian).
7. Burde, P. *Socioanaliz Pera Burde* [Socioanalysis of Pierre Bourdieu] / Per. s fr. Moscow: Institut eksperimentalnoi sociologii; Saint-Petersburg: Aleteiya. (In Russian).
8. Vizgin, V. P. (1995) *Don Kihot dopolnitelnosti* [Don Quixote of complementarity] // I. S. Alekseev. *Deyatelnostnaya koncepciya poznaniya i realnosti*. Moscow: Russo. Pp. 458–465. (In Russian).
9. Zinovev, A. A. (1994) *Kommunizm kak realnost* [Communism as reality]. Moscow: Centrpoligraf. (In Russian).
10. Novgorodcev, P. I. (1991) *Ob obschestvennom ideale* [About the social ideal]. Moscow: Pressa. (In Russian).
11. Nozik, R. (2008) *Anarhiya, gosudarstvo i utopiya* [Anarchy, the state and utopia] / Per. s angl. B. Pinskera. Moscow: IRISEN. (In Russian).
12. Ponkin, I. V. (2003) *Pravovie osnovi svetskosti gosudarstva i obrazovaniya* [Legal foundations of secularism of the state and education]. Moscow: Pro-Press. (In Russian).
13. Romashov, R. A. (2020) *Politogenez_ Hram – Polis – Gosudarstvo – State* [Politogenesis: Temple – Polis – State – State] / R. A. Romashov; vstup. sl. V. P. Salnikov. Saint-Petersburg: Aleteiya. (In Russian).
14. Spiridonov, L. I. (2002) *Izbrannie proizvedeniya* [Selected works]. SPb.: Sankt-Peterburgskii institut prava im. princa P. G. Oldenburgskogo. (In Russian).
15. Haiek, F. (2022) *Doroga k rabstvu* [The road to slavery] / Per. s angl. M. B. Gnedovskogo. Moscow: AST. (In Russian).
16. Eriashvili, N. D., Ivanova, Y. A., Radchenko, T. V. (2021) *Gosudarstvo v politicheskoi sisteme obschestva: osobennosti i perspektivi* [The state in the political system of society: features and prospects]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti – Bulletin of economic security*. No. 1. Pp. 29–35. (In Russian).

Об авторе

Архипов Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-3337-0505, e-mail: forest109@mail.ru

About the author

Sergei V. Arkhipov, Cand. Sci. (Law), Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-3337-0505, e-mail: forest109@mail.ru

*Поступила в редакцию: 14.02.2023
Принята к публикации: 21.02.2023
Опубликована: 31.03.2023*

*Received: 14 February 2023
Accepted: 21 February 2023
Published: 31 March 2023*